

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

Артистка, БЛИН!

A • S • T

Артистка, блин!

Екатерина Вильмонт

Артистка, блин!

«АСТ»

2010

Вильмонт Е. Н.

Артистка, блин! / Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2010 — (Артистка, блин!)

ISBN 978-5-17-068370-3

Она с детства мечтала стать актрисой, но ничего не получалось, и она круто изменила свою жизнь. Но неожиданная встреча в Альпах стала поистине улыбкой Фортуны. Роли в кино и в театре, успех и, главное, большая любовь. Но разве так бывает?

ISBN 978-5-17-068370-3

© Вильмонт Е. Н., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Улыбки фортуны	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Екатерина Вильмонт

Артистка, блин!

...И слова страшного «люблю» Не повторяйте ей.
А. Дельвиг «Элегия»

Улыбки фортуны

Что может быть уютнее заснеженного альпийского городка? Остатки рождественского убранства придают всему особую волнующую прелесть, многочисленные кафешки и бары так и манят зайти, согреться чашкой вкуснейшего кофе или стаканом глинтвейна.

– Какая ты умница, Надька, что вытащила меня сюда! – признался вдруг Семен Романович жене.

– Что это с тобой, Сенечка? До сих пор ты только ворчал.

– Да ничего, просто я вдруг понял, что уже отдохнул. Отоспался, отъелся, да и вообще... привел в порядок душу и мысли. Все-таки как хорошо иметь жену, которая знает тебя лучше, чем ты сам!

– Что верно, то верно.

– Сколько нам еще тут осталось?

– Три дня. А что, уезжать неохота?

– Неохота! – тяжело вздохнул Семен Романович. – Может, поменяем билеты и останемся еще на недельку?

– Нет, Сеня, ты через три дня взвоешь!

– Не взвою! Здесь так чудесно...

– Не смейся меня! И, главное, слушайся, тогда все будет отлично!

– Да, кажется, ты, как всегда, права, – засмеялся он. – Ну, какие на сегодня планы?

– Какие планы? Пойдем гулять, заглянем в магазинчики, пообедаем.

– Надюш, а давай пообедаем там же, где вчера.

– Давай, сама хотела тебе предложить. Там так готовят седло косули! Пальчики оближешь.

– Я тебя обожаю!

– Ты обожаешь седло косули!

– Спорить не стану, но тебя я обожаю куда сильнее. Он обнял жену.

Они бродили по улицам, накупили какой-то дребедени, выпили кофе, потом опять бродили, а потом вдруг решили вспомнить детство – пошли кататься на санках с горы. Восторгу обоих не было предела, и Семен Романович, словно чеховский герой, каждый раз шептал жене на ухо:

– Я люблю вас, Наденька!

Надежда Михайловна была очень довольна.

– А я не помню, как звали ту девушку! – со смехом сказала она, когда они влезли в подъемник.

– Я тоже точно не помню, но, кажется, все-таки именно Наденька! – засмеялся муж.

После пятого спуска Надежда Михайловна решительно сказала:

– Все, хватит! Хорошенького понемножку!

– Согласен, но завтра опять сюда придем, дураки, три дня потеряли! Надо наверстывать! Все, идем обедать, я голоден как волк!

– Хорошо, только зайдем переодеться, у меня снег в сапоги набился и брюки мокрые.

– Описалась со страху?

– Еще чего! – засмеялась она. И подумала: надо его почаще куда-нибудь вытаскивать, за три дня в этом альпийском раю он стал похож на себя прежнего, молодого.

Через час они входили в тот же ресторан, где обедали вчера.

– Я хочу пива! – заявила вдруг Надежда Михайловна.

– Вот так новость! Ты же не любишь?

– С меня Татьяна взяла слово, что я попробую темное пиво.

– Прекрасно! Наконец-то и я выпью пива.

– А ты чего воздерживался?

– Так я тоже не большой любитель.

Пиво им подали очень быстро.

– Ох, как вкусно! – простонала Надежда Михайловна, отхлебнув пива. – Мягкое, бархатное просто.

– Да, недурно... Ой, ты глянь, что на улице творится!

За окнами валил снег.

– Ничего себе! – ахнула Надежда Михайловна. – А нас тут не завалит?

– Ерунда, выгребут! – как-то радостно засмеялся Семен Романович.

В этот момент дверь открылась и вбежала женщина с мальчиком лет семи. Они смеялись, отряхивая друг с друга снег. К ним поспешил молоденький кельнер. Они весело заговорили по-немецки, видимо, женщину здесь знали. Кельнер помог ей и мальчику раздеться. Они прошли к дальнему столику.

Семен Романович сидел спиной к ним.

– Надь, ты чего?

– погоди! – отмахнулась от мужа Надежда Михайловна.

– Да что ты там увидела? – он оглянулся. – Ты что, знаешь эту бабенку?

– Нет. Я ее не знаю. Но вот если бы найти актрису с таким лицом... Это был бы идеальный вариант. Просто вылитая наша Марта!

– Ну, милая... Так повезло только однажды Басову, когда он нашел юного Янковского в гостиничном ресторане.

– Да понимаю... Но, главное, я точно знаю теперь, что нам надо искать!

– Я хочу тоже посмотреть. Давай поменяемся местами.

– Давай!

Семен Романович долго смотрел на незнакомую женщину. Вьющиеся каштановые волосы, нежное, чуть скуластое лицо, слегка раскосые глаза, чувственный рот...

– Она, в сущности, некрасивая.

– Она лучше, чем красивая. У нее лицо, от которого глаз не оторвать. В ней есть загадка. И для Марты это лучше, чем красота. Красивых, в конце концов, полно.

– Пожалуй, ты права. В ней действительно что-то есть. И она грустная...

– Это же прекрасно! Образ будет неоднозначным. Кто наша Марта? Суперагент. И некоторая грусть очень даже пригодится...

– Все это очень мило, но не можем же мы снимать немецкую домохозяйку.

– Разумеется, нет, но по крайней мере понятно, что нам следует искать.

В этот момент откуда-то появился огромный ярко-рыжий кот. Он с важностью оглядел зал и довольно решительно направился к дверям.

– Боже, какой красавец! – воскликнула Надежда Михайловна. – Кис-кис-кис!

Кот не обратил на нее ни малейшего внимания.

Мальчик, сын незнакомки, бросился к коту, чтобы открыть ему дверь.

– Никита! – крикнула женщина. – Не надо, там же метет!

Семен Романович ахнул.

- Она русская. Надя!
- Ну и что? Она же не актриса!
- А я не уверен. У нее поставленный голос!
- Ерунда, ты не мог определить это по одной фразе.

Семен Романович был бледен, и у него дергалось веко. Явный признак сильного воодушевления.

- Надя, ты сейчас же подойдешь к ней и спросишь.
- С ума сошел, почему я?
- Потому что я мужчина, она может не так понять! Надя, я тебя умоляю!
- Что ж по-твоему, я должна подойти и спросить: «Девочка, хочешь сниматься в кино?»

Сеня, это бред! – Она была уже не рада, что обратила внимание мужа на эту женщину.

- Надюша, ну ты же все можешь...
- Ох, Сенька, ты несносный тип!
- Надя, ну ты же знаешь, я сам все только испорчу...
- Черт с тобой!

Надежда Михайловна поднялась из-за столика и направилась к незнакомке, вполне готовая к тому, что ее грубо отошлют. Та удивленно посмотрела на подошедшую женщину.

- Простите, ради бога, – смущенно улыбаясь, начала Надежда Михайловна.
- Вам нужна помощь, что-то перевести? – обворожительно улыбнулась женщина.
- Нет-нет, спасибо... Дело совсем в другом, вы только не сочтите меня за сумасшедшую...

- Да вы присядьте.
- Спасибо. Позвольте представиться, Надежда Михайловна Земнухова, я киносценарист.
- А я Варвара, ну, здесь меня зовут Барбарой. Варвара Шеффнер. Так чем я могу вам помочь, Надежда Михайловна?

– Знаете, я хочу спросить, как говорится, для очистки совести, муж настоял, он у меня кинорежиссер...

Варвара побледнела.

– А я так хотела быть актрисой... но моя актерская жизнь как-то с самого начала не задалась... Я вышла замуж, уехала в Германию, родила сына... Ну и вот...

- Вы где-то учились?
- В ЛГИТМиКе.
- Варя, так не бывает! – радостно засмеялась Надежда Михайловна. – А вы не хотели бы попробовать на роль...

– На роль? Господи! Вы за этим подошли? – дрожащим от волнения голосом спросила Варя. И судорожно отпила воды из стакана.

Тут к столику подбежал Никита.

– Мама! Там...

– Ники, пойдی поиграй еще с котом, у меня важный разговор.

Мальчик неприязненно посмотрел на Надежду Михайловну, но послушно отошел.

– О, вам как раз принесли горячее, – заметила Варя. – Может быть...

– Варя, берите тарелку и пойдёмте к нашему столу. Муж только что говорил мне, что так повезло режиссеру только однажды, когда Басов нашел Янковского... Но, кажется, так все-таки бывает...

– А это удобно? – робко спросила Варя.

Она то, что им нужно, убежденно подумала Надежда Михайловна.

– Сеня, ты будешь смеяться, но Варя окончила ЛГИТМиК.

– С ума сойти можно! – вскочил Семен Романович, целуя руку смущенной Варе. – Садитесь, дорогая, садитесь! Рассказывайте, где вы играете?

– Нигде... У меня не сложилось, я живу здесь... Работаю по другой специальности...

– Но вы хотели бы?

– Больше всего на свете! – вырвалось у Вари. – В детстве мечтала, что в один прекрасный день мне кто-нибудь скажет: «Девочка, хочешь сниматься в кино?».

– А вы сможете приехать в Москву? Для начала хоть на два-три дня? Придется делать пробы, ведь вас никто не знает, я имею в виду продюсеров... Их еще надо будет убеждать... Да и вообще... Я не хочу вас напрасно обнадеживать.

– Да, я все понимаю. Я ведь могу вам и не подойти. Знаете, меня жизнь научила переживать всякие разочарования, так что я не умру, если не сложится...

Ты мне уже подошла, думал про себя Семен Романович. Он опытным взглядом увидел все, что ему нужно, и не сомневался, что она справится. Такая вот уверенность в своем выборе не часто у него возникала, но ни разу еще он не ошибся, если она посещала его.

– Вы в отличной форме, я смотрю, сколько вам лет, простите за столь невежливый вопрос.

– Двадцать девять.

– Превосходно!

– Мама, мама! – подбежал Никита. – Мама, пошли, снег уже перестал!

Варя знала, Никита просто ревнует ее к незнакомым людям. Ей хотелось прикрикнуть на него, но Надежда Михайловна все поняла.

– Варенька, может, вы вечером придете к нам в гостиницу и мы поговорим более предметно? Мы остановились в «Трех львах».

Варя с благодарностью взглянула на нее.

– Да-да, я обязательно приду.

– Вам есть с кем оставить мальчика?

– Да, с мамой. Спасибо, спасибо вам! Я обязательно приду!

...– Варь, что случилось? – спросила мать.

– Ах нет, ничего... Просто такая метель была...

– Варь, я что, по-твоему, слепая? Ты кого-то встретила? Или Эммерих звонил?

– Нет, мамочка. Не звонил. Просто...

– Мама там каких-то русских встретила, к ним за столик подседа, а меня отослала с Манфредом играть.

– Никита, ты доносчик! Ябеда, а это стыдно! – заметила бабушка. – Мужчина так поступать не должен! Иди к себе и подумай!

– Так я же не в полицию донес...

– Еще не хватало! Ступай к себе, – голос бабушки звучал непреклонно.

– Ладно. Мам, ты извини, я больше не буду!

И, не дожидаясь прощения матери, он убежал на второй этаж.

– Ну, что это за люди были?

– Мамочка, случилось чудо! Там был Шилевич!

– Какой Шилевич?

– Режиссер! Он снял «Плач иволги» и «Тусклую жизнь»!

– Не шедевры, но хорошее крепкое кино! И что, ты хочешь сказать, что он тобой заинтересовался? Приударил?

– Даже не думал! Но он позвал меня в Москву на пробы!

– Варя, детка, ну это ж чепуха! Он просто хочет с тобой переспать!

– Мама, ко мне подошла его жена, она сценаристка... Ничего такого! Они сказали, что, увидев меня, сразу поняли, какой типаж им нужен для главной героини...

– Ты хочешь поехать?

– Мамочка!

– А если ничего не получится?

– Пусть! Все равно я поеду, это мой, наверное, последний шанс!

Мать внимательно посмотрела на нее.

– Ладно, поезжай! Я думала, ты уже покончила с этим...

– Я тоже думала, но, мамочка, это же судьба! Я вовсе не собиралась заходить в ресторан, просто вдруг повалил такой снег, мы с Никиткой уже шли домой, а тут... Снег ведь мог повалить на пять минут позже, и мы зашли бы в другое место... А так все совпало... И я чувствую, что смогу, еще смогу, а уж года через два... Ничего бы не вышло... И еще мне снился сегодня Петербург... Колокола звонили и Нева... Это мне всегда к чему-то важному и хорошему снится...

– С ума спятить можно. А что за роль-то?

– Пока ничего не знаю. Я вечером пойду к ним в «Три льва», они все расскажут.

– Ну-ну, сходи, чем черт не шутит! Только, надеюсь, ты не собираешься совсем уезжать в Россию?

– Зачем? Да и куда?

– Ну, у тебя же есть в Москве квартирka.

– Она сдана.

– Но ведь не навечно. Ты только имей в виду – я возвращаться не буду и Никитку не пущу! Ни под каким видом! Если что, поедешь одна, помни это!

– Я все знаю, мамочка, но если подворачивается такой шанс, я не имею права его упустить!

Гостиница «Три льва» в темноте выглядела прелестно. А уж после сегодняшнего снегопада в особенности. Она стояла немного на отшибе, и теплый свет окон так и манил к себе. Варя остановилась, как в детстве, сгребла немного снега и съела. Снег в Альпах был чистый и, как показалось Варе, необыкновенно вкусный. Вот если Шилевичи будут ждать меня в холле, все получится, загадала она и с замиранием сердца толкнула дверь.

Шилевичи сидели в креслах возле елки. Семен Романович сразу поднялся ей навстречу.

– Варвара, душевно рад! Молодчина, пунктуальность – бесценное качество для актера.

– Я не люблю опаздывать.

– О, значит, с вами хорошо крутить роман! – засмеялась Надежда Михайловна.

– Предлагаю пойти в ресторан и продолжить разговор за хорошим ужином! Мне так нравится здешняя жратва!

Варя промолчала, но в душе обрадовалась. Разговор за ужином будет более непринужденным.

– Итак, Варвара, вы наверняка умираете от любопытства, что же за роль я вам предлагаю!

– Не то слово! – широко улыбнулась Варя.

О, какая улыбка! – подумал Семен Романович. Чутье меня не подвело.

– Варюша, я предлагаю вам очень выигрышную и эффектную роль. Это будет кино, естественно в формате 4+1.

– Что это? – растерялась Варя.

– Четыре серии и одна. Кино и телевариант. Куда ж мы нынче без телевидения? Прокат у нас хромает на обе ноги. Но зато телевидение дает сумасшедшую аудиторию, тем более, мы работаем с крупнейшим телеканалом. А теперь пусть Надежда Михайловна вкратце расскажет, в чем там суть, это ведь ее сценарий! К сожалению, мы не взяли с собой ни экземпляра, ни компьютера, но...

– Так даже лучше... – пролепетала Варя.

– Это история подлинная на восемьдесят процентов, – начала Надежда Михайловна. – История моей дальней родственницы. В советские времена она была нашей разведчицей, вращалась в высших кругах Англии, у нее были головокружительные романы, она совершала

истинные чудеса, а потом ее предал один тип, сбежавший из Союза на Запад, ее посадили в тюрьму, потом обменяли на английского шпиона, она вернулась в Союз, но вдруг поняла, что не может там жить, задыхается, и поставила себе цель – сбежать на Запад. И ведь сбежала...

– И ее оставили в живых?

– Представьте себе! В Союзе началась перестройка, и стало как-то не до нее, тем более что она сделала в Дании пластическую операцию, хирург влюбился в нее без памяти и они уехали в Южную Африку. Она и сейчас там живет. Я была у нее несколько лет назад. Но в фильме этого, разумеется, не будет. Там у нас открытый конец...

– Пока открытый, – как-то грустно улыбнулся Семен Романович.

– Что ты хочешь сказать? – удивилась Надежда Михайловна.

– Надя, ты же понимаешь, что канал может не захотеть... И они будут требовать, чтобы ее пристрелили или, наоборот, сделали чуть ли не главой разведки... Не удивляйтесь, Варя! Раньше была цензура государства, а теперь цензура продюсеров... Причем они зачастую, прикрываясь требованиями канала, проводят в жизнь собственные дурацкие идеи.

– Сеня, не заводись. Это у него больная тема.

– Ну как вам, прелестная Варенька?

– По-моему, это просто здорово! Так интересно! И роль... о такой можно только мечтать!

Но я не знаю, справлюсь ли...

– Вы машину водите?

– Да. Я даже одно время преподавала экстремальное вождение.

– С ума сойти! – хлопнул в ладоши Семен Романович. – А верхом ездите?

– Езжу, хотя не могу сказать, что виртуозно...

– А какими-нибудь единоборствами владеете?

– Чего нет, того нет. Но я научусь, если нужно...

– Посмотрим! Варя, а что вы еще умеете?

– Говорят, я неплохо пою. И танцую тоже...

– Ну, петь не обязательно...

– Да почему? – воодушевилась Надежда Михайловна. – Мы сделаем так, что вам будет что петь! Сеня, надо заказать песню, такой забойный шлягер!

– Забойный шлягер нам не подойдет... – как-то даже брезгливо поморщился Семен Романович.

– Назвать это можно как угодно, но должна быть такая песня, ну вроде журбинского вальса из «Московской саги».

Семен Романович опять сморщил нос.

– Очень хорошая песня! – твердо заявила Надежда Михайловна.

– Дело вкуса! – вздернул бровь Семен Романович.

– Но ты же не будешь отрицать, что песня была весьма полезна для этого не самого лучшего из сериалов.

– Согласен. Но у нас будет лучше!

– Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить! – улыбнулась Надежда Михайловна. – Ну вот, а теперь, Варюша, расскажите о себе. Как вы попали в эту альпийскую глушь из стольного града?

– Да это банальная история. Вышла замуж, родила...

– Надя, мы еще совсем мало знакомы, а ты уже хочешь исповеди? – вступился за Варю Семен Романович, поняв, что ей не хочется сейчас об этом говорить.

– Ты прав, Сенечка! Для нас сейчас важно не прошлое Вари, а настоящее и в особенности будущее...

– Ну, будущее теперь зависит от вас, – улыбнулась Варя.

– Нет, Варя, теперь все зависит от вас! – горячо воскликнул Семен Романович. – Когда вы сможете прилететь в Москву?

– А когда нужно?

– Сейчас сообразим. Сегодня восьмое января. Мы возвращаемся в Москву одиннадцатого, но раньше пятнадцатого активная деятельность в Москве невозможна. Думаю, дней пять уйдет на разговоры с продюсерами, так что где-то в конце января. Я вам буду звонить, держать в курсе дела.

– Семен Романович, я ведь работаю, и мне хотелось бы знать заранее, хотя бы за неделю... – робко проговорила Варя.

– Где это вы работаете? – словно бы взревновал режиссер.

– Я администратор в сети косметических салонов.

– Какая тоска! – воскликнул Семен Романович.

– Как интересно! – заметила Надежда Михайловна. – А если, дай Бог, все получится, что же будет с вашей работой?

– Мне придется уйти.

– Варя, но... Простите, это ваш единственный источник дохода? – осторожно спросила Надежда Михайловна.

– Не единственный, но основной. Но ведь за фильм мне тоже что-то заплатят? Да? Это же главная роль?

– Увы, на большие деньги рассчитывать не приходится, – огорченно проговорил Семен Романович. – У вас ведь нет имени, а в связи с кризисом у нас строго соблюдают принцип известности. Есть, что называется, первые лица, они и теперь неплохо зарабатывают, есть раскрученные, тоже можно жить, а есть... Увы, вас в России не знают.

– Неважно! – воскликнула Варя. – Это не имеет значения. У меня есть кое-какие сбережения. И потом... Неважно! Сколько заплатят, столько и заплатят. Не в деньгах счастье.

– О! Русская женщина верна себе и в Альпах! – радостно потер руки Семен Романович. – Варя, напишите мне ваш электронный адрес, я, как приеду, сразу вышлю вам сценарий.

– Простите меня, Семен Романович...

– В чем дело?

– Не надо сразу! Вдруг ничего не получится, вдруг ваши продюсеры меня не захотят... Мало ли...

– Захотят! Куда, черт побери, они денутся!

– Сеня, Варюша права. Пospешишь – людей насмешишь.

– Знаете, Варя, если я вдруг чувствую то, что почувствовал, встретив вас, я не ошибаюсь! А такое в моей жизни было всего два раза: когда я увидел Андрея Дружинина и второй раз – Таню Нарышкину! Их тогда никто не знал, а теперь это какие звезды! У меня на это нюх...

– Это правда, – кивнула Надежда Михайловна. – Мне недавно сказала одна моя подруга: «Надь, я тут второй раз посмотрела „Верного пса“ и удивилась: все, кто там снимался даже в крошечных ролях, стали если не звездами, то уж во всяком случае популярными артистами. У Сени глаз-алмаз». Хотя на вас, Варя, первой обратила внимание я. Вы чем-то даже похожи на мою родственницу.

– Вам понадобится виза? – деловито спросил Семен Романович.

– Нет, я сохранила гражданство.

– Отлично! А у вас есть где остановиться в Москве?

– Варя остановится у нас! – непререкаемым тоном заявила Надежда Михайловна. – А если все будет в порядке, ей снимут квартиру.

– У меня вообще-то есть в Москве квартира, но она сдана.

– Это все решаемые вопросы, главное, чтобы вас утвердили на роль. Но я буду бороться до победы.

– Вы так в меня поверили? – робко спросила Варя.

– А вы-то сами в себя верите? – настороженно прищурился Семен Романович.

Варя на секунду запнулась, потом подняла на режиссера глаза.

– Да. Я верю, – но голос ее при этом дрогнул.

– Вот и славно! Вы говорили, что поете?

– Да.

– Можете сейчас спеть?

– В ресторане? – ахнула Варя.

– А что, слабо?

– Нет. – Варя решительно поднялась, подошла к метрдотелю, что-то ему сказала, тот улыбнулся и кивнул. Она направилась к старому пианино, стоявшему поодаль, откинула крышку, пробежала пальцами по клавишам, на мгновение задумалась и вдруг запела:

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома,
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Голос у нее был небольшой, но глубокий, волнующий, и пела она просто, очень музыкально и проникновенно. Все, кто был в зале, замерли. Семен Романович и Надежда Михайловна радостно переглядывались. Варя закончила романс, раскланялась, потом, озорно блеснув глазами, заиграла популярную в Германии полечку и запела по-немецки. Это была уже совсем другая женщина, другой голос и манера петь. Супруги Шилевич только диву давались. Бурные аплодисменты были Варе наградой. Она раскланялась в слегка шутливой манере и вернулась к столу.

– Bravo, девочка моя! – закричал Семен Романович и обнял Варю. – Это было здорово! Ах, Надя, у меня действительно глаз-алмаз! И в фильме вы тоже будете петь! Вот я сейчас... – он выхватил из кармана мобильный телефон, набрал номер. – Генаша, с Новым годом! Да, мы в Альпах! Ген, у меня к тебе просьба, надо будет в ближайшее время встретиться. Мне нужна песня! Для дивного женского голоса, нет, ты не знаешь, я и сам только сегодня ее узнал... Это волшебная история, альпийская сказка! Я прилетаю одиннадцатого под вечер, давай встретимся двенадцатого, идет? Вот и отлично! Да, разумеется, со мной и тебе кланяется. Все, дружище, приеду, сразу позвоню! Варя, это Геннадий Градов, изумительный композитор, знаете такого?

– Нет, простите...

– Ничего, еще узнаете... Ах, как хорошо, как чудесно вы пели... Надя, какая ты умница, что притащила меня сюда! – он пребывал в абсолютной эйфории. – Варя, приходите завтра с утра, попробуем порепетировать...

– Простите меня, но я завтра работаю, мне нужно ехать в другой город, я не знаю, когда освобожусь...

– Какая досада! А если отпроситься?

– Сеня, не пори горячку! И что ты собрался репетировать? Остынь! Лучше отдыхай тут, пока есть возможность, и с новыми силами вступи в схватку с продюсерами.

– Ты, как всегда, права, – понурил голову Шилевич.

– Ну что? – спросила мать. – Глаза сияют! Тебя взяли?

– Мамоchка, ну это ж так сразу не делается, но я им понравилась.

– Но что дальше-то будет?

– Полечу в Москву на два-три дня. На пробы. И это при условии, что Шилевичу удастся уговорить продюсеров посмотреть никому не известную актрису.

– То есть вилами по воде?

- Пока да. Но я убеждена... Все получится! Должно получиться!
- Варюша, девочка моя, ну получится... А потом? Где гарантия, что тебя потом еще куда-то пригласят?
- Ах, мама, какие вообще в жизни могут быть гарантии? Но если всего опасаться, так ничего и не будет! Надо рискнуть!
- Хорошо, предположим, тебя утвердят. А съемки? Это же не две недели... Что будет с работой?
- Мам, давай пока об этом даже говорить не будем. Меня могут вызвать в Москву только в конце января, на три дня. А ведь могут и не вызвать... Так что лучше пока об этом не думать вовсе.
- Ты права. Мы пока забыли об этом! Кстати, Никита опять порвал джинсы...
- Надюша, ну как она тебе?
- По-моему, чудесная девочка. Хотя она уже не девочка, но в первой серии запросто за девочку сойдет! И вообще... Это находка!
- Да! Еще какая! А как поет! Сколько артистизма, прелести, музыкальности... А какой переход от романса к песенке, восторг! Помнишь, я в первый момент сказал, что она некрасивая? Она красавица! Она сыграет любую красавицу! Я всегда мечтал найти такую актрису, чтобы могла сыграть красавицу, не будучи красавицей! И в ней еще есть авантюрная жилка... Она ведь в первый момент испугалась петь в ресторане, а потом решилась, спела, и как! Чудо! Чудо! Ах, какой я молодец, скажи, Надюша!
- Кто спорит, молодец! – добродушно усмехнулась Надежда Михайловна. – Вот только впредь не будем задавать ей лишних вопросов. Варя явно пережила какую-то драму. Захочет – расскажет, а ковырять – не нужно, я сгруппировала, хорошо, что ты меня прервал.
- Да какая там особенная драма! – поморщился Семен Романович. – Польстилась сдуру на заграничный брак, а муж бросил, или она сама его бросила...
- Что, кстати, не одно и то же... А муж мог и умереть. Короче, мы не лезем к ней в душу. Она здорово напугана.
- Напугана? – поразился Семен Романович. – Чем это она напугана? Вечно ты что-нибудь выдумываешь!
- Странный ты, Сеня! Она напугана открывшейся вдруг перспективой, а еще больше тем, что перспектива для нее может в результате и не открыться, а если откроется, это грозит поломать устоявшуюся жизнь... Как ты этого не понимаешь! – вдруг рассердилась Надежда Михайловна. – Кстати, я о чем еще подумала... Надо бы для продюсеров, а если все выгорит, то в дальнейшем и для прессы, придумать какую-то легенду...
- Какую еще легенду? – насупился Семен Романович.
- Понимаешь, в нашей с ней встрече есть, как ни смешно тебе это покажется, некая вторичность, своего рода плагиат...
- С ума сошла? Какой плагиат?
- Ну, всем же известна история Басова с Янковским...
- Но это и впрямь та же история!
- Ну и что? Нам нужна своя история. А то будут говорить – тех же щей, да пожиже влей, и он не Басов и она не Янковский.
- Ну, положим, я получше Басова режиссер.
- Я-то с тобой согласна, и многие еще согласятся, но ты же нашу публику знаешь...
- Знаю! Ну, а что тут можно сочинить?
- Подумаем.
- Ну, допустим, мы заблудились в лесу, а она нас спасла.
- Фу, Сеня!

– Тогда сама и выдумывай! Ты сценаристка, тебе и карты в руки.
– Это должно быть что-то совсем простое... Без романтического налета, чтобы никто не заподозрил неправды, не взялся проверять, докапываться...
– Это ты все на случай большого успеха стараешься?
– Я в нем уверена, Сенечка, как никогда раньше. Я уже придумала!
– Ну-ка, ну-ка!
– Варя же руководит косметическими салонами. Вот я заглянула в косметический салон, там вышла какая-то накладка, вызвали Варю...
– Не годится!
– Почему?
– Потому что тогда выходит, это ты ее нашла, а не я.
– Хорошо, ты пошел в косметический салон.
– Я? – ужаснулся Семен Романович. – Мне-то что там делать?
– Допустим, маникюр!
– Да я лучше умру!
– Да, Сенечка, с тобой нелегко! Хорошо, Варя, так же как и мы, каталась с сыном на санках, и мы все вместе полетели в сугроб!
– Бред!
– Ладно, тогда так: мы загулялись, заблудились и вышли на шоссе ловить машину. И поймали Варю! Она нас подвезла, мы по дороге разговорились...
– А что... Простенько и со вкусом! Годится! – Только Варе пока об этом ни слова. Вот если прилетит к нам, мы ей скажем.
– Отлично!
...Варя еще дважды заскакивала к Шилевичам, а потом отвезла их в аэропорт. На прощание Надежда Михайловна шепнула ей:
– Варенька, все получится, я уверена!
– Дай вам Бог, Надежда Михайловна! Мне почему-то тоже так кажется.
Они обнялись и расцеловались.
– До встречи в Москве, Варюша! – поцеловал ей руку Семен Романович.
У Вари комок стоял в горле. Ей уже казалось, что чета Шилевичей близкие, почти родные люди.

Миновал январь. Известий из Москвы не было. Варя буквально сходила с ума, хотя изо всех сил старалась не показывать этого матери. Целыми днями она разъезжала по делам и только работой удавалось на время занять мозги. По двадцать раз на дню проверяла, работает ли телефон, не пропустила ли она звонок. Словом, извелась. Мать, конечно, все понимала, но помалкивала. И Варя была ей за это благодарна. Варька, ты дура, уговаривала она себя, у тебя все хорошо сейчас, у тебя чудный дом, хорошая работа, мать и сын, слава богу, здоровы, ты давно поставила крест на актерской карьере, так чего ты с ума сходишь? Кто тебя там ждет, в Москве? Понятно, что продюсерам не нужна какая-то неведомая бабенка из альпийской глуши... Им нужны известные артисты, на которых клонет публика. Шилевич просто не смог их уболтать, а теперь ему неловко звонить мне с отказом... Да наплевать ему на меня, просто отказ он переживает как свое унижение. И Надежде Михайловне небось запретил мне звонить, я ведь и так все пойму. И это даже хорошо, что они мне не звонят, а то стали бы меня утешать, мол, в следующем фильме обязательно найдем для вас роль, пусть второго плана, ничего, лиха беда начало... Да, все правильно... Но так хочется в Москву! А я летом поеду, возьму Никитку и поеду! Мама о Москве даже слышать не желает, ну и пусть. А мы съездим! На недельку... И надо во что бы то ни стало найти Марьянку, как-никак младшая сестра...

Когда Варя, отчаявшись найти работу – ее не взяли ни в один театр, вообще никуда не брали, – приняла предложение Гюнтера Шеффнера, немца, снимавшего соседнюю с ними квартиру, мама поддержала ее.

– Уезжай, Варя! Здесь ты только вымотаешься в унижительных попытках стать актрисой. Может быть, это вообще не твоя стезя. Езжай, пока молодая. Гюнтер приятный человек, интеллигентный и любит тебя. Найдешь там работу, кто знает, может, там тебя оценят, а нет, научишься чему-нибудь, родишь ребенка или двух, по крайней мере будешь жить спокойно, поверь, это много значит... Я желаю тебе добра, а там, глядишь, и Марьянку выдашь замуж за немца. А я выйду на пенсию и приеду к вам, внуков нянчить!

Она тогда посмеялась – мать, красивая, подтянутая, уверенная в себе женщина, совсем не походила на бабушку. Варя съездила в гости к Гюнтеру, который тогда работал в Австрии, в Зальцбурге. И влюбилась в этот игрушечный город, подаривший миру Моцарта. Ей показалось, что там она найдет для себя что-то более важное, чем актерская карьера, которая как-то сразу не задалась. Не задалась и ладно. Для женщины куда важнее иметь дом, семью, любящего мужа... И все-таки, вернувшись в Москву, она сделала еще одну попытку, пошла на кастинг к затевавшемуся историческому сериалу. Ее не взяли. Это было последней каплей. Она уехала. Вышла замуж. Гюнтер настоял, чтобы она усиленно учила язык. Она оказалась очень способной и через год уже говорила прекрасно. Потом его перевели на работу в Оберстдорф, там ей нравилось меньше, но муж сказал, что это ненадолго и вскоре его обещают перевести во Франкфурт. В Оберстдорфе она устроилась в косметический салон кассиром и подружилась с его хозяйкой Гудрун. А потом забеременела, но работала еще и на седьмом месяце. Родился Никита. Увидев его, она ощутила, что ничего ей больше не надо! Она вдруг безумно полюбила мужа, к которому прежде не испытывала пылких чувств, свой дом и свою новую жизнь. Иными словами, она была счастлива. Но, как известно, счастье не бывает долгим. Гюнтер поехал в командировку в Румынию, и там его кто-то пырнул ножом. Как выяснилось потом, это был просто наркоман, которому понадобились деньги на дозу. Но удар оказался смертельным. В двадцать четыре года Варя осталась вдовой. На похороны приехала мама. И заявила тоном, не допускающим никаких возражений:

– Значит, так! Я продаю квартиру в Москве и переезжаю к тебе. Мы покупаем свой домик и будем жить. Ты пойдешь работать, я буду растить Никиту и больше никогда не вернусь в Москву.

– Почему?

– Это не имеет значения. Будет так, как я сказала.

– А как же Марьянка?

– Она вполне устроена. Тебе я куплю однокомнатную в Москве, будем ее сдавать.

– Мама, что случилось с Марьянкой?

– Ничего, она вышла замуж и укатила во Францию.

– Как? А почему я ничего не знаю?

– Вот видишь, она даже не удосужилась ничего тебе сообщить! Очень в ее духе!

Варе тогда показалось, что в голосе матери прозвучала ненависть. Однако сколько Варя ни пыталась заводить разговоры о сестре, мать сразу их пресекала. Но когда она окончательно переселилась в Германию, то как-то в разговоре обронила:

– Как я счастлива, что живу здесь, подальше от этой подлой твари!

– Какой твари? – не поняла дочь.

– Твоя сестрица вернулась в Москву со своим муженьком!

– Мама, скажешь ты мне наконец, что случилось?

– Ничего неожиданного. Яблоко от яблони!

– Что?

– Она такая же гнусь, как ее папаша!

– Мама, но я ничего не понимаю... Ну, Валерий Палыч ушел от нас, такое бывает... Но Марьяна моя сестра, и я, в конце концов, имею право знать...

– Нет! Довольно, что я знаю! А тебе ни к чему! И сестра она тебе только наполовину. Короче, мы эту тему закрыли.

Кстати сказать, и Марьяна не делала попыток связаться с сестрой. Они никогда не были особенно дружны, но и не враждовали. Поэтому, когда зашла речь о поездке в Москву, Варя сразу решила, что разыщет сестру, не говоря матери ни слова. Анна Никитична тоже молчала. Втайне она надеялась, что Варю в Москву не позовут, и к десятому февраля уже успокоилась, хотя ей было жалко дочь, она видела, как та мучается. Ничего, время вылечит и эту рану. После гибели мужа казалось, Варя долго не оправится. Но уже через полгода она вернулась в косметический салон и за два года прошла путь от кассирши до администратора. Проданная за огромные деньги московская квартира в престижном доме позволила купить небольшой, но прелестный дом в маленьком курортном городке и однокомнатную квартиру в Москве. На всякий случай. Сама Анна Никитична возвращаться в Москву не собиралась. Слишком болезненными были воспоминания о последнем периоде жизни там. Все, хватит, с этим покончено!

Однако одиннадцатого февраля поздним вечером раздался звонок. Варя сняла трубку в полной уверенности, что звонит Эммерих.

– Алло! Варюша! – она сразу узнала Надежду Михайловну. – Варя, я вас не разбудила?

– Нет-нет, что вы! – дрожащим голосом отозвалась она.

– Варя, деточка, сможете приехать к двадцатому?

– Да, да, конечно!

– Простите, что пропустили все сроки, но так все складывалось, то одного в Москве не было, то другого. Но теперь все улажено. Продюсеры жаждут с вами познакомиться, Сеня им столько о вас напел! Значит, завтра же закажите билет. И сразу позвоните мне. Я вас встречу.

– Сколько дней мне понадобится?

– Ну, в принципе, я думаю, самое большее два дня.

– А три дня вы меня потерпите?

– Господи, что за вопрос, Варя! Так я жду вашего звонка!

– Да-да, я утром переговорю с хозяйкой и тут же позвоню! Спасибо вам огромное!

– Пока еще не за что!

– Ну что вы!

– Все, Варенька. Сеня вам кланяется, но он охрип, кстати, из-за вас. Так орал на продюсеров! Это надо было видеть и слышать. При встрече расскажу в лицах, обхохочетесь! Все, целую вас!

И она положила трубку.

– Варь, кто звонил? – с лестницы спросила Анна Никитична. Вид у нее был заспанный. – Конечно, Эммерих?

– Да, мамочка, Эммерих.

– Попробуй объяснить ему, что в такой час звонить в дом, где есть ребенок, невежливо.

– Ладно, мамуль!

– И чего он хотел?

– Мама!

– Все, прости, прости, это только твое дело. Не знаешь, он намерен развестись?

– Мама, я не собираюсь за него замуж!

– Ну и зря! Он хороший человек, и к тому же богатый!

– Мама, тебе чего-то не хватает?

– Да! Мне не хватает стабильности и хорошей жизни для моей единственной дочери! – с этими словами Анна Никитична стала подниматься по лестнице.

Вот даже как, единственная дочь! Не слабо! А ведь если мама узнает, что я все-таки еду в Москву, может начаться бог знает что! Как же быть? Если меня вдруг, паче чаяния, возьмут на роль, мама будет всячески ставить мне палки в колеса... Придется что-то придумывать, врать, что съемки будут проходить где-то далеко от Москвы... Кстати, и сейчас ей лучше не знать, что я лечу в Москву. Поговорю завтра с Гудрун, она сама страдала от деспотичной матери, она поймет! Скажу маме, что еду на три дня в командировку. А если мама что-то заподозрит и позвонит ей проверить, Гудрун все подтвердит... Или лучше попросить Эммериха? Ему, скорее всего, понравится, что меня хотят снимать в кино... Он сам не лишен авантюрной жилки... Да! Так лучше. Я уезжаю на три дня с Эммерихом, допустим, в Италию, и, кстати, то же самое я скажу Гудрун, а то поездка в Москву может ее встревожить, а зачем зря тревожить работодателя, хоть мы с ней и подруги! Ведь, скорее всего, ничего не получится. Получится! Получится, я чувствую, все получится. На этот раз не может не получиться!

Утром она пораньше вышла из дома. И из машины позвонила Эммериху.

- С добрым утром, моя радость! – приветствовал он ее. – Ты хочешь меня увидеть?
- Мне просто необходимо тебя увидеть!
- О, у тебя голос так звенит! Случилось что-то хорошее?
- В общем, да, но... чтобы это хорошее случилось, мне нужна твоя помощь!
- Я готов! Где и когда встретимся?
- Давай в час дня в нашем кафе.
- Хорошо, договорились! Целую тебя. Но скажи, в субботу наше свидание не отменяется?
- Нет-нет, но ждать до субботы я не могу!
- Заметано! Целую!

Эммерих очень нравился ей. Их связь длилась уже два года. Он был успешным дизайнером, хозяином студии, сотрудничал со многими модными фирмами. Они познакомились на книжной ярмарке в Лейпциге, где оба оказались совершенно случайно. Роман был приятным, необременительным, никаких планов они не строили, просто им было хорошо вместе. И обоих такое положение вещей вполне устраивало.

- Ну, что стряслось, моя радость?
- Эмми, меня пригласили в Москву на кинопробы! – Серьезно? Это здорово! Поздравляю! А чем я могу помочь?
- Мне нужно алиби!
- Алиби? – рассмеялся он. – Ты намерена кого-то убить?
- Эмми, мне не до шуток!
- Я тебя внимательно слушаю!
- Она все ему объяснила.
- Без проблем! Обеспечу я тебе алиби! А что скажешь, куда мы едем?
- В Италию, например!
- Не годится!
- Почему?
- Потому что в Москву надо брать теплые вещи, куда теплее, чем в Италию, а посему предлагаю Норвегию!
- Здорово! Спасибо, Эмми!
- Надеюсь, в субботу ты сможешь меня как следует отблагодарить! Послушай, но если дело выгорит, тогда как?
- Тогда и буду думать! А сейчас...
- Умная девочка! А как у тебя глаза горят... Обалдеть! Выходит, возможно, в дальнейшем у меня будет любовница кинодивы? Или для кинодивы я недостаточно хорош?
- Это я пока недостаточно хороша для тебя, а вот если стану кинодивой...

– А ведь станешь... – вдруг очень серьезно сказал он. – Я уверен!

– Спасибо, Эмми! – растроганно проговорила Варя.

Он достал из сумки ноутбук.

– Давай немедленно закажем билет, я еще постараюсь найти рейс на Осло, подходящий по времени...

– Зачем?

– Ну мало ли... Вдруг фрау Анне придет в голову проверить?

– О, какой ты предусмотрительный! – радостно засмеялась Варя.

– А ты как думала? Врать тоже надо уметь, чтоб никого не обидеть, не возбуждать лишних подозрений. Такое вранье – ложь во спасение покоя близких. Для достоверности я сам отвезу тебя в аэропорт.

– Эмми! – растрогалась Варя.

– Я хочу спать с кинозвездой!

– А тебе еще не приходилось?

– Нет, как-то не случалось.

– А вдруг ничего не выйдет, тогда ты меня бросишь?

– И не подумаю!

Через несколько минут билет в Москву был заказан и Варя позвонила Надежде Михайловне.

– Все в порядке, я прилечу девятнадцатого!

– Я вас встречу!

– Вас это не затруднит?

– Да нисколько! Ждем вас с нетерпением! Вы все уладили без особых проблем?

– Да-да, все хорошо! Спасибо вам!

– Что это ты так сияешь? – с подозрением спросила Анна Никитична.

– Мамоchка, мы с Эммерихом летим на три дня в Норвегию!

– Зачем?

– Мама!

– Но почему именно в Норвегию?

– Потому что ни он, ни я там еще не были!

– Ну что ж, в Норвегию так в Норвегию! – пожала плечами мать. А про себя сказала: все лучше, чем в Москву!

Варя заметила, что мать испытала облегчение. Что же будет, если меня утвердят? Ладно, поживем – увидим!

Вечером восемнадцатого Анна Никитична спросила:

– Эммерих за тобой заедет?

– Конечно!

– А где вы там будете жить? В отеле?

– Нет, Эмми сказал, что какой-то его друг дает ему ключи от своей квартиры.

– В Осло?

– Нет, в Бергене!

Слава богу, подумала Анна Никитична, она так сияет, я думала ей будет грустно, что ее не взяли в кино. И не похоже, что она притворяется... Вот вышла бы она замуж за Эммериха, я была бы спокойна.

Утром девятнадцатого Эммерих и в самом деле заехал за Варей. Одет он был так, как будто и впрямь летел в Норвегию – спортивная куртка, толстый свитер.

– О, Эммерих, вам страшно идет спортивный стиль.

– Благодарю, фрау Анна! Дорогая, ты готова? Где твой чемодан? Все, поехали! Вчера снегу навалило, можем попасть в пробку! Едем, едем!

– Мамочка, пока! Никита вернется, скажи, что я его люблю!

– Не стану я говорить такие глупости! Он и так знает, что ты его любишь! Все, езжайте уже!

Они сели в машину.

– Господи, как же я ненавижу врать! Так тяжело!

– Ничего, ты же просто щадишь свои нервы и нервы матери, кстати, тоже.

Уже в самолете Варя начала дрожать. Рядом с Эммерихом ей было спокойно и весело, а едва она осталась одна, навалился давящий липкий страх. Куда я лезу, я же все забыла, я рас-тренирована, у меня нет опыта, катастрофически нет опыта, что в моем возрасте совершенно непростительно... Допускаю, что Шилевич сможет сделать из меня то, что ему нужно, но продюсеры-то увидят меня, так сказать, в первозданном виде... И я не умею работать в кадре... Я вообще ничего не умею... И куда я лезу... Опозорюсь и все тут. Почему-то ведь меня никуда не брали... наверное, им было виднее... У меня просто нет таланта... Дура! Дурища! Нет, так нельзя... Если уж я полезла в эту авантюру, нельзя себя настраивать на провал... Шилевичу виднее... Он сумел открыть таких артистов! Может, и меня откроет?

– Варя! Наконец-то!

– Надежда Михайловна, дорогая, здравствуйте!

– Варечка, вы такая бледная, волнуетесь?

– Не то слово!

– Ничего, все будет хорошо! Сейчас приедем, пообедаем, дам вам сценарий, а завтра утречком поедem на студию.

– Ой, мамочки! Я же ничего не умею!

– Так, вот этого я больше слушать не желаю! Научитесь! И запомните – как бы вам ни было страшно, вы обязаны завтра сыграть перед продюсерами спокойную уверенность в своих силах, в своем несомненном обаянии, ну, легкое волнение допустимо, но только легкое, понимаете?

Сценарий привел Варю в восторг. Какая роль! Как все увлекательно! Она сразу влюбилась в свою героиню Марту. Сколько в ней всего! И женское обаяние, и редкое мужество, и лукавство, и даже некая умудренность – словом, мечта! Но как все это сыграть? И что придется играть завтра на пробах?

– Ну как? Прочли? – заглянула к ней Надежда Михайловна.

– Это просто чудо! Такая история и такая роль! Но у меня... поджилки трясутся!

– Варечка, не боги горшки обжигают!

– Нет, Надежда Михайловна, это ведь смотря какие горшки! Некоторые под силу только богам!

– О, я польщена, конечно, но мы с Сеней уверены, что вы отлично справитесь!

– Спасибо вам! А вы не знаете, что мне завтра надо будет играть? Какую сцену?

– Не думаю, что какую-то определенную... Сеня ничего не говорил, полагаю, завтра вы просто познакомитесь с продюсерами, с оператором, а там уж видно будет.

Надежда Михайловна лукавила. Она все знала, но они с мужем решили – если заранее сказать Варе, что ей предстоит завтра делать, она со страху может сильно пережать, переиграть или, наоборот, зажаться. «Бросим ее как щенка в воду, – говорил Семен Романович, – и поглядим, выплывет или потонет!» Однако оба были уверены, что непременно выплывет! И оба вспомнили, как она пела в ресторане. Тогда ведь она тоже была не готова, но, поняв, что от этого многое зависит, решилась и победила! И еще она не сказала Варе, что сегодня к ужину

придет один из актеров, с которыми ей предстоит играть. Он был старым другом Шилевича и снимался во всех его фильмах. К тому же одним из продюсеров был его младший брат, всегда прислушивавшийся к мнению старшего. Визит был задуман как вполне неожиданный. Короче говоря, все было продумано до мелочей.

Они сели втроем за накрытый к ужину стол.

– Ну, Варя, Надя сказала, что вы в восторге от сценария? – начал Семен Романович.

– Не то слово! Если...

– Варя, забудьте слово «если». Только слово «когда»!

– Семен Романович!

– И не тряситесь так, завтра ничего страшного не будет. Просто познакомитесь кое с кем, фотопробы сделаем и вообще, я за вас уже поручился, а мое слово кое-что значит.

В дверь позвонили.

– Кого это черт принес? Надюш, откроешь?

– О, Леша! Привет!

– Надин, у вас в доме случайно нет пассатижей, я после переезда ничего не могу найти!

– Кажется, были. Леш, а не поужинаешь с нами?

– Честно говоря, я голодный, а дома хоть шаром покати, так что с удовольствием.

– Пошли, у нас очаровательная девушка в гостях. – Ну вот, а я в таком виде...

– Нормальный у тебя вид!

– Это мой друг и с недавних пор сосед, – сказал Варе Семен Романович. – Леха, привет! – поднялся он навстречу другу. – Варюша, познакомьтесь, это, кстати, ваш шеф, Леша, Алексей Иваныч, будет играть вашего шефа!

– О! Так это и есть моя Марта? – обаятельно улыбнулся Алексей Иваныч.

Варя узнала его в лицо, фамилии этого актера она не помнила, но он ей сразу понравился. Обаятельный, с доброй улыбкой.

– Здорово! Сенька, в ней есть изюмчик, ты бьешь без промаха! Да, девушка, знаете, Сенька мне все уши прожужжал, что нашел в Альпах чудодевушку, просто даже надоел! Надин, а у тебя супчику случайно не осталось? Так в разводе по супчику скучаю!

– Сейчас согрею! – рассмеялась Надежда Михайловна, сразу оценив брошенную вскользь фразу о разводе. Значит, Варя ему глянулась!

– Ну, девушка Варвара, как в Москве после Альпийщины?

– Я еще не успела понять... – застенчиво улыбнулась Варя. – Как-то не до того... Но я так рвалась в Москву... Это же мой родной город.

– А почему ж тогда в Питере учились?

Варя вдруг покраснела.

– За парнем небось поперлись в Питер? Точно, я угадал! А у кого там учились?

– У Ольги Зиновьевны Малкиной.

– У Ольки? Она классный педагог, вот как так получается, что человек сам играть не может, а других классно учит? Вот, говорят, Рихтер не мог учить, а как играл! И Плисецкая тоже не преподает... Вот и Олька, не вышло из нее актрисы, а педагог божьей милостью! А вы, Варвара, хорошо учились?

– Да.

– А потом что?

– А потом ничего! Глухо. И вот только Семен Романович...

– Счастливый случай, а ведь они собирались отдыхать в Таиланде. Это я их отговорил! Так что я в некотором роде тоже причастен...

– Леш, а есть что-нибудь на свете, к чему ты не причастен, а? – засмеялась Надежда Михайловна.

– Карибский кризис! – мгновенно отозвался гость. – Я тогда только родился, аккурат в Карибский кризис!

За столом все покатились.

А он славный, подумала Варя. Не очень умный, но это неважно. Актер хороший.

Ужин прошел весело. Варе было уютно. Она чувствовала, что хотя бы одному члену съемочной группы уже пришлось по душе. Конечно, от него вряд ли что-то зависит, но все равно, пустячок, а приятно. Семен Романович попросил Варю что-нибудь спеть. Она спела. У Алексея Ивановича сделались мечтательные глаза.

– Сень, дай мне пассатижи, – сказал он, уходя. – Кстати, ты ко мне на пять минут не заглянешь? Надо, чтобы кто-то подержал стремянку, она у меня шатается, а я все-таки выпил маленько...

– Пойду подержу! Что с тобой делать, а то сверзишься и съемки сорвешь.

– Ну как? – спросил Семен Романович, выйдя на площадку.

– Мне нравится! В ней маночек есть, хотя на первый взгляд ничего особенного, не красавица, а приглядишься – и глаз не оторвешь. Для Марты самое оно. Ты, Сеня, снайпер! А что у нее с личной жизнью?

– Леша, я тебя умоляю!

– Да ты что! Я просто спросил!

– Что ж я, не видел, как ты на нее облизывался?

– Да брось! Мне не до того сейчас! Сам знаешь, Натка с меня семь шкур содрала, я сейчас на мели, а какие ухаживания с пустым карманом? Это для молодых ребят... – тяжело вздохнул Алексей Иванович.

– Ты, главное, Мишке скажи, что она тебе понравилась – лишнее мнение нелишнее.

– Да уж скажу, и притом искренне. Хотя она все-таки здорово зажатая.

– Разождем, не впервой! Понимаешь, я печенкой чую – она то, что нам требуется. И она сможет целиком отдаться работе. Она не снимается параллельно еще в трех сериалах, не играет в театре, словом, целиком будет наша!

– Ладно, чего ты меня агитируешь? Побереги свой пыл для этих козлов-продюсеров!

– Ладно, Леш, тебе и вправду надо стремянку подержать?

– У меня стремянки вообще нет. Натка даже ее забрала.

– Да, Леша, умеешь ты баб находить!

– Просто я порядочный, а они нет!

– По-твоему, порядочных баб вообще нету?

– Я только одну знаю, Надьку твою. И то, пока дело до развода не дошло. Ладно, не злись, я пошел!

Следующий день Варя провела как в тумане. Шилевичи поехали с ней на студию, которая помещалась в цехах бывшей фабрики. Ее познакомили с кучей каких-то людей, мужчин и женщин, кто-то из них смотрел на нее с интересом, кто-то с сомнением, а кто-то, как ей показалось, даже с ненавистью. Ее фотографировали, просили спеть, потом напялили на нее показавшееся ей до ужаса безвкусным вечернее платье и заставили в нем взбегать по крутой высокой лестнице, потом явился знаменитый артист Бурмистров, утомленный красавец в абсолютном сознании своей неотразимости, глянул на Варю без особого восторга, обаятельно улыбнулся – и Варя сразу его возненавидела. Семен Романович же был с ним очень ласков.

– Димочка, друг мой, надеюсь, ты поможешь Варе на первых порах...

– Не волнуйся, Сеня. Все будет супер! Варвара, не бойся меня, я не кусаюсь! Чего ты зажалась?

– Вы какой-то слишком великолепный! Я с вами рядом просто замухрышка! – сама себе поражаясь, проговорила Варя.

Бурмистров расхохотался.

– Ладно, замухрышка, пошли!

– Куда?

– Порепетируем!

Варя беспомощно оглянулась на Семена Романовича.

– Да-да, Варюша, попробуйте сыграть махонькую сценку. И неважно, что текста не знаешь. Дима будет просто с тобой разговаривать, а ты отвечай как бог на душу положит, нам важно настроение. В двух словах объясняю смысл: Марта сидит в кафе. За одним из столиков она замечает красивого мужчину, он ей нравится, но она очень напряжена, ждет связного. Поэтому отводит взгляд от понравившегося мужчины. Вдруг он поднимается и идет к ее столику. Это очень некстати ей, а он заводит какой-то разговор, она отвечает невпопад, нервничает, и вдруг он садится за столик, говорит ей комплименты, а потом внезапно называет пароль. Ее реакция. Потом он начинает выговаривать ей, что она ведет себя непрофессионально, ну и так далее. Поняла?

– Поняла!

Бурмистров сел за столик. Варя за другой. Обвела взглядом помещение, увидела довольно большую группу людей, но сейчас ей было не до них. Вот взгляд ее упал на Бурмистрова. Сейчас у него было совершенно другое лицо. Сейчас от него было трудно оторвать взгляд. Ни тени презрительного великолепия. Просто очень мужское, очень красивое лицо. Она с трудом оторвала от него взгляд, взяла салфетку из вазочки, скомкала и смотрела уже только на свои руки, лишь изредка косясь на незнакомца, потом достала из сумки зеркальце, посмотрелась, поправила челку. Она сейчас ясно вспомнила эту сцену в сценарии. Вот кто-то вошел в кафе. Она пристально смотрит на вошедшего. Но в этот момент к ее столику подходит Вернер, она в некоторой панике, он садится за столик и произносит:

– Простите, я просто не мог не подойти, вы так напомнили мне мою мать...

– Знаете, это самый пошлый из приемов! – заметила Марта.

– А если это правда? Я могу показать вам ее фотографию. Смотрите, какое поразительное сходство, практически одно лицо!

– Кажется, и в самом деле есть сходство, – растерянно говорит Марта, то и дело поглядывая на дверь.

И тут он произносит пароль, она вздрагивает, изумленно смотрит на него, медлит с отзывом. Потом едва слышно произносит условную фразу.

– Вы ведете себя непрофессионально! В вас все выдает неопытного агента. Я откажусь иметь с вами дело!

– Боюсь, уже поздно, и поверьте, двух ваших фраз мне хватило, чтобы никогда больше не реагировать на вас как на мужчину. – Она сказала в точности то, что было в сценарии, у нее была замечательная память!

– Довольно! – крикнул Семен Романович.

Варя как будто очнулась. Бурмистров похлопал в ладоши.

– Молодец, реакция хорошая. Мне даже показалось, что последняя фраза относилась ко мне лично, а не к моему герою.

– Поверьте, ничего личного! – усмехнулась Варя.

– Надеюсь! Сенья, я должен бежать!

– Беги, Димочка, только скажи этим... что ты согласен с ней играть, – добавил он едва слышно.

– А что, вопрос так стоит?

– На всякий случай, ты же их знаешь!

– Нет проблем! Хотя девица и неопытная. Но не пустая хотя бы.

– В том-то и штука!

Бурмистров помахал Варе рукой и быстро исчез.

– Что, устала?

– Так, чуть-чуть...

– Ну все, ты пока свободна! Надя тебя отвезет домой.

– Семен Романович, скажите...

– Детка моя, пока ничего сказать не могу! То есть что касается меня, я более чем доволен, Димка тоже, это немаловажно. Однажды он категорически отказался сниматься с одной девицей и сумел настоять на своем. Ну, если режиссер и главная звезда согласны... Это много значит.

– Варюша, поехали, – обняла ее за плечи Надежда Михайловна.

...– Ну, что скажете? – с вызовом спросил Семен Романович, когда все причастные к процессу лица собрались в переговорной.

– Она ничего... – неуверенно проговорил продюсер.

– За этим должно последовать какое-то «но»? – вскипел Шилевич.

– Этих «но» до фига и больше!

– И что же это?

– Ну, во-первых, она неопытная... – вступил один из сопродюсеров.

– Опыт дело наживное. Но она талантливая!

– Ну, это громко сказано, она не более чем способная. К тому же она... толстая! – подал голос исполнительный продюсер.

– Толстая? – поперхнулся от злости Семен Романович. – Она толстая? Она просто женщина, а не вобла! Нет, это надо же... Впрочем, она, вероятно, согласится похудеть на два-три кило, не проблема, хотя я терпеть не могу снимать сушеную тарань вроде вашей Турковой! Ну, а еще что?

– Ну, морда-то не медийная! Раскрутка нужна. Причем с нуля! А это денег стоит!

– Денег стоит все! А с нуля раскручивать легче, между прочим! Нужна просто хорошая легенда и все дела! Конечно, если вы рассчитываете снимать в этой роли Туркову, то снимать вы ничего не будете, просто нечего будет снимать! Надежда Михайловна не отдаст вам сценарий, а я пойду снимать в «НТВ-кино». Или в «Домфильм», меня давно зовут. И это мое последнее слово. Всего наилучшего!

– Семен Романович, ну что вы так взбеленились, о Турковой речь вообще не идет...

– А о ком идет?

– Может, посмотрите Валюшенко?

– Этот кусок мяса? Она же не умеет играть, только губки дует да рыжими патлами трясет. Хотите с ней спать, это ваши проблемы!

– А вам так хочется спать с этой альпийской коровой? Ради бога, но не за наш счет!

Семен Романович сначала побагровел, потом смертельно побледнел, лоб покрылся капельками пота.

– Если ты, свиненыш...

В этот момент в комнату заглянул еще один мужчина, при виде которого исполнительный продюсер сразу утратил воинственный пыл.

– Что тут за шум, господа хорошие? Сеня, что с тобой? Тебе плохо?

– Мне было плохо, а сейчас уже хорошо. Я ухожу, и больше вы меня тут не увидите. И сценария нашего тоже! Хватит с меня, я уже не в том возрасте, чтобы хлебать тут говно! Я вам не мальчишка!

– Постой, успокойся, сядь. Вот так! Валер, в чем дело?

– Да ничего особенного, Николай Максимыч, рабочий момент, так сказать. Поспорили из-за главной героини.

– Ну и в чем суть спора? Режиссеру безусловно виднее, тем более такому режиссеру!

– Да, но лицо-то не медийное!

– Но медийными, как солдатами, не рождаются, а становятся! И главная роль в таком фильме враз сделает медийным любое лицо, тоже мне проблема! Успокойся, Сеня!

– Почему я должен выслушивать оскорбления от этого писеньши, который только и умеет, что хамить!

– Вы первый начали!

– Что позволено Юпитеру, не позволено быку, впрочем, ты не бык, ты мелкий свиненыш! И работать я с тобой не буду ни под каким видом! Все, это мое последнее слово!

– Так, стоп! Сеня, теперь твоя версия!

– Никакой версии! Или он или я!

– Тоже мне проблема, поменяем его! Он пойдет на другой проект, а тебе дадим другого!

Но я все-таки хочу сам глянуть на эту альпийскую диву! Где она? – Я ее отпустил, но мы сняли сценку с Димой, он, кстати, очень ее одобрил, не говоря уж о Лешке.

– Сняли, так покажите!

– Сию минуту, Николай Максимыч, – засуетился «свиненыш». – Посмотрите сами, ничего в ней особенного нет, Семен Романович необъективно к ней относится...

– Замолкни, свин!

– Тебя уже повысили в звании! – хмыкнул Николай Максимович. – Лучше уйди пока, у меня своя голова на плечах.

Получивший «повышение» исполнительный продюсер предпочел уйти от греха подальше.

– А что, мне она понравилась... – заявил, посмотрев материал, Николай Максимович. – Живая, пикантная, голос чудный, ты, Сеня, молоток, бьешь без промаха. Вообще, может, ты не самый великий, Сеня, но актеров видишь как никто! Из этой девахи будет толк! Сколько ей годков?

– Двадцать девять.

– Да? А глядится на двадцать два максимум! Это здорово! Берем!

– Коля, ты не передумаешь?

– Сень, я похож на болтуна? Сказал берем, значит, берем! А этого дурня Валерку давно гнать пора, ни хрена не понимает!

– А ты зачем его вообще взял?

– Да он поначалу нормальный был, а теперь обнаглел, как... Словом, Сеня, совсем его выгнать пока не могу, а от тебя уберу, не волнуйся, вместо него дам хорошую девку, Нинку Мурадян! Ты ее знаешь?

– Нет.

– Она умная, дело любит самозабвенно, у нее муж год назад погиб, она с головой в работу ушла, надежная как скала и говорит, что мечтает поработать с тобой.

– Ну что ж, я не против, а то этого свиненыша я бы просто пришиб!

– Вот и славненько! Давай-ка завтра привози свою альпийскую фиалку ко мне, поговорим уже о конкретных делах.

– То есть я могу сейчас же ей сказать, что она утверждена?

– Можешь, можешь! Они, кстати, с Димкой в паре классно смотрятся! А то помнишь, мы с тобой удивлялись, он с Голубевой снимался, чистое недоразумение. Он шикарно там играл, у него все легко, изящно, с шиком, настоящая авантюрная комедия, а она как гвозди, да что там гвозди, сваи заколачивает! А эта... Надо дать девке шанс! Но придется как-то заинтриговать зрителя, сочинить что-нибудь волнующее, ладно, это не проблема... Запустим утку, что у нее

роман с Димкой или что-нибудь еще, профессионалов привлечем. Все, я должен бежать, завтра жду вас всех троих, с Надей, я имею в виду, часам к... Пстой, я сейчас... – Он вытащил из кармана телефон: – Алла, что у меня завтра? Ага, понял. И ничего нельзя подвинуть? Отлично, ох, грехи наши тяжкие! Сеня, а к десяти утра подгрести сюда слабо?

– Нормально, к десяти так к десяти!

– Все, я убежал, у меня такой цейтнот!

Семен Романович решил все-таки пока не говорить Варя, что все уже решено, он слишком хорошо знал эту кухню. Роль «свиненышей» зачастую бывает куда важнее роли свинопаса. Как говорится, жалует царь, да не жалует псарь. Но вот если завтра на встрече с Николаем будет и представитель канала, который весьма, как известно, ценит опыт и чутье Николая Максимовича, тогда-то уж и будем радоваться вместе. Дома он сказал, что в принципе кандидатура Вари одобрена, но вот завтра надо еще все обговорить...

– То есть, они не сказали, что я никуда не гожусь? – дрожащим голосом спросила Варя.

– А за каким чертом тогда им надо с вами встречаться? – вспыхнул измотанный Семен Романович. – Думаете, они так воспитаны, что будут приглашать вас для отказа, чтобы все выглядело благопристойно? Щас!

– Сеня, тише! По-моему, все идет отлично, Дима Бурмистров вас одобрил, с ним считаются, это тоже важно... Да не тряситесь вы так, Варечка! Сеня прав, раз пригласили на завтра, значит, все идет хорошо! А если что не так, берем сценарий, вас и переходим в другую структуру! Сеня вас не сдаст! Если он поверил в артиста...

– Вы правда в меня поверили? – вскинула свои глазищи на режиссера Варя.

– Черт бы тебя побрал, альпийская варечка! – вдруг не своим голосом заорал Шилевич. – Сколько можно повторять одно и то же?

– Варечка? – засмеялась Надежда Михайловна. – А можно я тебя тоже буду Варечкой звать и на ты?

– Можно, – испуганно улыбнулась Варя. – Меня никто Варечкой не называл, но мне нравится!

– А я есть хочу! – заявил Семен Романович. – Дадут мне в этом доме пожрать?

Утренняя встреча прошла для Вари как во сне. Через полтора часа трудного для нее, во многом непонятного и в высшей степени сумбурного разговора до нее вдруг дошло – ее берут на эту роль! От радости она задохнулась, и если бы Надежда Михайловна в какой-то момент больно не ущипнула ее, она бы и вовсе ни во что не врубилась. А еще через два часа она подписала контракт, из которого следовало, что она должна уже через две недели прибыть в Москву. Съемки начнутся в середине апреля, и режим будет жесточайшим, планируется все снять за полтора месяца!

– И это еще хорошо, – сказала Надежда Михайловна, – а то, бывает, и за две недели снимают! Варя, вам придется уволиться с работы?

– Конечно, ведь в общей сложности на все уйдет месяца четыре, мне такой отпуск никто не даст!

– Да зачем тебе эта дурацкая работа! – взорвался Шилевич. – Я совершенно уверен, как только слух о тебе пройдет по нашим сферам, тебя сразу начнут приглашать в какие-нибудь сериалы, и мой тебе совет, не отказывайся! Тебе уже не двадцать, столько лет упущено! Конечно, на любое говно соглашаться все же не следует, но ты не волнуйся, я прослежу! И, скорее всего, сам буду еще тебя снимать, я своих актеров всегда долго снимаю, может, не в главной роли, но это неважно!

– Господи, да я как во сне...

– Ты, кстати, помнишь, что завтра утром с тебя снимают мерки? А днем ты улетаешь?

– Помню, Надежда Михайловна, миленькая...

- Эмми! Ты знаешь...
- Да я по глазам вижу, все получилось? Ты так сияешь! Отличная страна Норвегия, скажу я тебе! Значит, мои шансы спать с кинозвездой здорово выросли?
- Перестань, как бы не сглазить!
- Никогда! У меня очень легкая рука! Да, кстати, вот в этой сумке подарки из Норвегии для Ника и фрау Анны.
- Эмми! Но как?
- А я слетал на сутки в Берген. Тут, кстати, и для тебя подарок, должна же ты была хоть что-то себе купить.
- Эмми! Я тронута...
- Ладно, давай рассказывай, что и как...
- Она рассказала.
- Значит, ты надолго уедешь...
- Я буду приезжать.
- И я буду. Тут как раз на меня вышла одна русская фирма...
- Эмми!
- Но что же ты скажешь маме?
- Ничего! – каким-то пьяным смехом засмеялась Варя. А у Эммериха дрогнуло сердце. – Режиссер позвонит, когда меня не будет дома... Сам поговорит с мамой, навешает ей на уши тонну лапши...
- О! Скажи, а ты с сестрой встретишься?
- Нет, не успела, у меня совсем времени не было. Вот поеду надолго, обязательно найду ее...
- Она намного моложе тебя?
- На три года всего. Эмми, спасибо тебе за все!
- Когда мы встретимся?
- Послезавтра. Завтра я должна поговорить с Гудрун. Боюсь, я очень ее подведу!
- Ничего, найдет она тебе замену!
- Найдет, конечно, – вздохнула Варя. Ей вдруг стало страшно до ужаса. И в то же время в душе поднимался восторг, почти счастье. Я поеду в Москву сниматься в главной роли!
- Мама приехала! – закричал Никита, выскакивая во двор. – Бабушка, мама приехала! Мамочка, я соскучился! Привет, Эмми!
- Привет, Ник! Добрый вечер, фрау Анна! Вот доставил вашу дочь в целости и сохранности!
- Благодарю вас, Эммерих! Может быть, поужинаете с нами?
- Спасибо, предложение заманчивое, но, увы, времени нет, должен мчаться... Пока, дорогая! – Он чмокнул Варю в щеку и уехал.
- Мамочка, как тут у вас дела?
- У нас все в порядке, а ты, я гляжу, сияешь! Понравилось в Норвегии?
- О, там такая природа! Эти фьорды... Я вам подарки привезла...
- Мамуля, что ты мне привезла?
- Никита, это неприлично, – одернула внука Анна Никитична.
- На вот, поройся в сумке, найдешь, – счастливо рассмеялась Варя.
- Никита подхватил сумку и побежал в дом.
- Эммерих сделал тебе предложение?
- Мама! О чем ты говоришь, какое предложение? Он женат, у него двое детей! Да и вообще! Просто я отдохнула, нам было хорошо вместе, весело...
- Что-то тут не так, подумала Анна Никитична.

Утром, как всегда, Варя собралась на работу. От Надежды Михайловны пришла эсэмэска: «Уже можно звонить?». Варя ответила: «Через час, пожалуйста».

– Что-то важное? – поинтересовалась Анна Никитична.

– Придется для начала поехать в Оберстдорф. Там проблема. Все, мамочка, пока!

Рабочий день оказался на редкость тяжелым. Ей и впрямь пришлось поехать в Оберстдорф, где, как оказалось, тяжело заболел один из лучших парикмахеров, а заменить его было пока что некем. Надо как-то выходить из положения. К тому же в другом салоне что-то случилось с солярием. Боже, какая тоска! Неужто еще две недели – и я уеду в свою сумасшедшую Москву? Я так ее люблю! Даже не понимаю, почему я жила и вовсе по ней не скучала? А теперь... Но как все это воспримет мама? А Никита? Я буду приезжать сюда при любой возможности. Пока подготовительный период, это будет несложно, но... очень дорого. Ничего не попишешь, я пока никто, и платить мне будут совсем мало. Правда, обещали недорого отдать все шмотки, какие сошьют для фильма, а это уже кое-что... Еще обещали снять квартиру. Семен Романович запретил говорить продюсерам, что у меня в Москве есть жилье. Так что деньги за квартиру, пусть и небольшие, не перестанут поступать на мой счет. Ладно, как-нибудь прорвемся!

Вечером она приехала домой вконец измотанная.

– Устала? – спросила мать. Выражение ее лица было странным. Звонили, поняла Варя, но ни о чем спрашивать не стала. – Никита уже спит. Ты поздно сегодня. Ужинать будешь?

– Да, я голодная как волк, пообедать не удалось, только кофе выпила.

– Садись, поешь. А потом у меня есть к тебе разговор.

– Мама, что-то случилось? – мастерски сыграла встревоженность Варя.

– Сперва поешь.

– Что-то плохое, да?

– Это как посмотреть. Лично я не берусь определить.

– Мама, говори, а то мне кусок в горло не полезет. – Хорошо. Так вот, тебе звонили из Москвы.

– Из Москвы? Кто?

– Твой новый знакомый, режиссер.

– Шилевич?

– Ну да. Он был, кстати, весьма любезен.

– Мама, что он сказал? Он вызывает меня на пробы?

– Нет, подымай выше! Он сказал, что тебя уже утвердили на роль!

– Как? Без проб? Ты ничего не путаешь?

– Нет, я пока еще не разучилась понимать по-русски! Он сказал, что позвонит тебе на сотовый. Не звонил?

– Пока нет!

– Может, передумал...

– Мама! Как ты можешь!

– Значит, ты собираешься поехать?

– Мама, но это же... Я столько мечтала... А тут...

– И ты все бросишь? Сына, мать, работу?

– Мама... Тебя и Никиту я вовсе бросать не собираюсь, но работу... Да черт с ней! Я не могу больше заниматься этими окаянными салонами! Не могу! Я сегодня окончательно это поняла!

– Как интересно! – хмыкнула Анна Никитична. – Варь, скажи, ты что, считаешь меня своим врагом?

– Мама, о чем ты?

– Тогда почему ты мне все время врешь?

– Что я вру? – побледнела Варя.

– А все! Ни в какой Норвегии ты не была!

– Мама!

– Этот олух Эммерих решил тебе подыграть? Его это развлекает? Дурища, я в твоей дорожной сумке обнаружила билет в Москву и обратно! Норвегия, ха! И сколько людей в свое дурацкое вранье вовлекла! Режиссера даже! Ты что, решила, что я лягу на пороге и буду кричать: только через мой труп? Я, Варя, тебе не враг! Ты счастлива, что будешь сниматься? Значит, и я счастлива! Дуреха ты! А врать совершенно не умеешь, хоть и артистка! Значит, в Москве ты понравилась?

– Мамоchка! – Варя кинулась матери на шею. – Мамоchка, прости, прости меня, я просто от волнения совсем спятила!

– Ладно уж... Ну, а с Гудрун ты уже поговорила?

– Нет, завтра! Мамоchка, если б ты знала, какой камень ты с моей души сняла! Мне сейчас так легко стало, так хорошо!

– Ладно, давай ешь и рассказывай, что в Москве было.

Варя, совершенно счастливая, все рассказала матери.

– Ну, а как тебе Бурмистров? Такой красавец!

– Знаешь, я так испугалась, когда он появился, весь такой роскошный, уверенный в себе – словом, звезда. Но он так по-доброму ко мне отнесся, помог здорово, если бы не он, не знаю, справилась бы я...

– Смотри, не влюбись!

– Да нет, мама, это не мое...

– А скажи, откуда ты взяла эти норвежские подарки? – со смехом спросила Анна Никитична.

– Эммерих слетал в Норвегию!

– Ничего себе! Здорово же он тебя любит... И денег за подарки не взял?

– Нет, я предложила, а он обиделся.

– Вот что значит четвертушка славянской крови!

– Мама!

– Ладно, я пошутила. А жить где будешь?

– Квартиру снимут.

– Хорошо. Только смотри, будь осторожна.

– В каком смысле?

– Во всех! Помни, что, кроме кино, у тебя есть сын и мать. И постарайся не заводить киношных романов.

– Мам, ты думаешь, у меня будет время на романы? Да там съемочные дни по двенадцать-четырнадцать часов, практически без выходных, какие романы! К тому же у меня совсем нет опыта, мне всему надо еще заново учиться, что тут в голову ползет! И потом, Эмми сказал, что намерен работать с какой-то русской фирмой и будет приезжать...

– С ума сойти! Вот увидишь, он на тебе непременно женится, если ты станешь звездой!

– Мам, зачем тебе нужен зять Эммерих?

– Он хороший малый и, кажется, действительно тебя любит!

– Мамоchка, но я не хочу замуж!

– А я хочу, чтобы ты была замужней женщиной! Но главное, я хочу, чтобы ты запомнила – ни я, ни Никита никогда не вернемся в Россию, никогда!

– Мама, я тоже не собираюсь!

– Ох, вот в этом я не уверена. Но ничего, будешь жить на две страны, сейчас многие русские так живут, не страшно. Ну, чего ты не ешь? Расслабься, я на твоей стороне!

Гудрун рвала и метала.

– Ты ненормальная! Зачем тебе это? Думаешь сделать карьеру? Да что это за карьера! Кто знает русских артистов? Я вот, например, ни одного не знаю! И ради этого ты бросаешь хорошую перспективную работу! Ты просто дура!

– Гудрун, не кричи! Пойми, это мой шанс! А что меня не будут знать в Европе, так мне плевать! Мне вполне хватит российской аудитории!

– Пф! Небось, надеешься, что тебя заметят и позовут в Голливуд?

– Даже в мыслях не держала! Какой Голливуд, зачем?

– Только не думай, что я опять возьму тебя на работу. Не надейся. Мы, конечно, подруги, но дело прежде всего!

– Гудрун, милая, я надеюсь совсем на другое! – Надеешься, что Эммерих на тебе женится?

– Нет! Я надеюсь, что в Москве у меня и потом будет работа, вот! Я так изголодалась по такой работе... Я даже во сне иногда видала, что играю на сцене, в кино... И сейчас я так счастлива, что буду играть... Со мной снимаются замечательные артисты, ну, по крайней мере два, с которыми я успела познакомиться. И сценарий такой роскошный! И роль – мечта!

– Ладно, что я могу сказать? Езжай! Но поработай, пока я не найду тебе замену.

– Конечно, только я должна уехать не позднее восьмого марта.

– Я поняла! – сухо ответила Гудрун.

Никита был в восторге.

– Мама, а ты меня возьмешь на съемки?

– До съемок пока далеко! Сперва будет подготовительный период, репетиции, ничего интересного, а дальше посмотрим.

– Круто! Я рад за тебя, мамочка! Ты будешь знаменитой!

– Еще рано об этом говорить и даже думать. А вдруг я провалюсь?

– Ну вот еще! Почему это ты провалишься?

– Кто знает...

– Мам, ты, что ли, боишься?

– Что ли, боюсь!

– Странно... Мне казалось, ты такая храбрая. Экстремальным вождением занималась, на лыжах по черным трассам гоняешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.